

АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ И НЕРЕШЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ¹

И.В. Фомин, К.П. Кокарев, Б.И. Ананьев, Н.Ю. Силаев, А.А. Сушенцов, А.Д. Чеков

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Институт научной информации по общественным наукам РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

Статья посвящена определению набора методологических решений, доминирующих в современных прогностических исследованиях в сфере международных отношений. Проведён анализ 160 прогностических статей из лидирующих журналов по международным отношениям за период с 2006 по 2015 гг. При анализе опробована специально разработанная типология прогностических исследований: введено различие «слабых прогнозов» (вероятностные предиктивные утверждения, которые возникают как экстраполяции на основе дедуктивных номотетических теорий) и «сильных прогнозов» («идеографические» прогнозы, предполагающие построение сценариев возможного развития событий в конкретных ситуациях и с конкретным набором участников). Установлено, что доминирующим типом прогнозов в современной науке о международных отношениях являются слабые прогнозы — исследования, строящиеся на вероятностных прогностических экстраполяциях формальных статистических моделей; доминирование этих методик остаётся тотальным, несмотря на то, что почти два десятилетия назад были продемонстрированы их несовершенство и ограниченность. Кроме того, в результате анализа, проведённого с опорой на методику проекта Teaching, Research, and International Policy (с рядом дополнительных модификаций) установлено, что доминирующее положение в сфере международных прогнозов занимают позитивистские познавательные установки и количественные методы. Из числа традиционных подходов к исследованию международных отношений лидирующее

УДК- 327

Поступила в редакцию 04.10.2018 г.

Принята к публикации 28.11.2018 г.

¹ За помощь в кодировании материалов авторы статьи выражают благодарность студентам магистратуры по направлению «Международные отношения» МГИМО МИД России Гавриленко-Горошевскому Никите Сергеевичу, Дельвиной Анне Станиславовне и Ткачу Дмитрию Николаевичу, студентам Liberal Arts College Института общественных наук РАНХиГС Бавтрукевич Анне Алексеевне, Корнееву Андрею Дмитриевичу, Крутову Дмитрию Андреевичу, Лапкиной Виктории Константиновне и Федоренко Дмитрию Олеговичу, а также студентам Факультета международных отношений Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС Бондик Анжелике Андреевне, Ворониной Дарье Евгеньевне и Кузиной Екатерине Олеговне.

положение в сфере прогнозов занимает либерализм. Его, однако, опережают вне-парадигмальные исследования — не опирающиеся ни на одну из традиционно выделяемых парадигм (реализм, либерализм, конструктивизм, марксизм). Марксистские исследования в проанализированном массиве полностью отсутствуют. Зафиксированная ситуация в целом совпадает с положением вещей, характерным для дисциплины международных отношений в целом. Полученные в ходе исследования выводы проинтерпретированы с точки зрения возможных направлений для развития методов прогнозирования в российской школе международных отношений.

Ключевые слова: прогнозирование, методология, методы, подходы, парадигмы, теория международных отношений, TRIP, сильные и слабые прогнозы

В области международных исследований, как и в других сферах общественнонаучного знания, одним из самых сложных и рискованных направлений исследовательской работы является прогнозирование. Исследовательские стандарты, сформированные под влиянием традиций естественнонаучных дисциплин, во многом связывают научность именно со способностью производить дедуктивные номотетические модели, обладающие предсказательной силой. Однако специфика предмета социальных наук накладывает существенные ограничения на возможности выработки такого рода предиктивных концепций.

Наиболее отчётливо специфика социальной действительности в контексте задач по выработке предиктивных моделей для международных отношений была очерчена в вышедшей почти два десятка лет назад статье под красноречивым названием «Бог дал физике легкие проблемы. Адаптация социальной науки к непредсказуемому миру» [13]. Авторы этой работы, С. Бернстайн, Р. Н. Лебов, Дж. Г. Стайн и С. Вебер, привели ряд убедительных аргументов, призванных продемонстрировать, что попытки выработки предсказательных теорий в международных исследованиях укоренены в далеко не бесспорной идее об однопорядковости социальных и физических феноменов.

Для мира физических феноменов предсказания по поводу будущих состояний некоторых систем действительно можно вывести на основе знания некоторых номотетических законов и значений определённого набора переменных. Таким, например, может быть предсказание положения планет Солнечной системы в тот или иной момент времени в будущем. Однако если задача состоит в том, чтобы, скажем, предсказать расстановку шаров на бильярдном столе после удара кием, то решить её тем же способом уже не получится. Несмотря на то, что и небесные тела, и бильярдные шары подчиняются общим физическим законам, во втором случае предсказание практически невозможно. Сложность системы, в которой даже небольшие изменения в значениях одной из многочисленных переменных ведут к существенным изменениям всей системы, не позволяет вырабатывать для такой системы детерминистические предсказания. Именно в этом,

как указывают С. Бернстайн и его соавторы, состоит одна из причин, по которой составление прогнозов в сфере международных отношений весьма затруднено. Ведь социальные системы, по поводу которых стремятся делать прогнозы исследователи-международники, гораздо больше напоминают именно биллиардные столы, а не системы планет [13, с. 45].

Для физических феноменов, впрочем, существуют способы получения прогнозов и без опоры на детерминистические законы: естественнонаучные закономерности и предсказания зачастую имеют не детерминистический, а вероятностный характер. Таковы, например, закон Бойля-Мариотта или закон радиоактивного распада. Однако для применения аналогичных пробабиллистских моделей в отношении социальных феноменов существует также ряд серьёзных ограничений. В частности, законы в физике вероятностным образом описывают взаимодействие триллионов атомов и молекул. В мире социальных феноменов масштаб процессов несопоставим. Задаваясь, например, целью вероятностного исследования войн или военных союзов, исследователь неизбежно сталкивается с проблемой малого числа кейсов. Попытки же расширить число изучаемых случаев ведут к объединению под общим концептуальным зонтиком разнопорядковых явлений, что подрывает устойчивость теоретической рамки исследования.

Не стоит упускать из внимания и тот факт, что не все обществоведческие категории поддаются кодированию и операционализации через количественные переменные. Как правило эти категории не корреспондируют напрямую с определёнными наблюдаемыми феноменами, а опираются на специфический способ «идеализации», задаваемый выбранной теоретической перспективой [13, с. 46]. Кроме того, на возможности применения статистических методов накладывает ограничения комплексный характер феноменов мировой политики, обусловленный их нелинейностью, эквивинальностью и множественностью обуславливающих их причинно-следственных связей [13, с. 46-47].

Наконец, социальная действительность фундаментальным образом отличается от физической реальности в том плане, что если планеты и атомы не обладают способностью к научению на основе своего и чужого опыта, то для социальных акторов такая способность является одной из ключевых характеристик. По этой причине при изучении социальной действительности мы никогда не можем добиться выделения единиц анализа в виде кейсов, которые были бы в полной мере независимы друг от друга, от предыдущего опыта, от ожиданий по поводу будущего и от знаний, которые о них может получить исследователь [13, с. 47].

В 2000 г., когда была опубликована статья «Бог дал физике легкие проблемы», её авторы упрекали учёных-международников в чрезмерном увлечении упражнениями по фальсификации гипотез на основе статистических исследований, выстроенных в духе дедуктивной логики, а также в том, что «научные методы» стали самоцелью, а сама «наука» — лишь игрой разума. Критике подверглись и те, кто, напротив, был слишком увлечён проблемами актуальной политики

и вовсе не обращал внимания на теоретические вопросы [13, с. 44-45]. Именно в поисках выхода из этой ситуации С. Бернстайн и его соавторы обратились к проблеме прогнозирования. Приводя аргументы против попыток выстраивания работы по шаблону естественнонаучных предсказаний, они, тем не менее, вовсе не отбрасывали возможность прогностических изысканий. Предлагалось лишь избрать альтернативный подход к прогностическим задачам, который предполагал бы не поиск общих предиктивных моделей, а работу по составлению различных сценариев будущего, которые интегрировали бы в сюжетные линии уже известные элементы и связи в совокупности с элементами неопределёнными. Было высказано предположение, что внедрение такого подхода (т.н. «форвард-ризонинг») — это как раз тот вектор, который позволит сделать дисциплину международных отношений более сбалансированной: компенсировать перекокс в сторону дедуктивных вероятностных теорий и выстроить эффективное взаимодействие с актуальной политической аналитикой.

Сегодня, спустя почти два десятка лет со времен выхода статьи С. Бернстайна и его соавторов, уместно задаться вопросом о том, произошёл ли в международных исследованиях «прогностический поворот» в духе тех установок, которые предлагали Бернстайн и его коллеги. Именно этот вопрос является для представленного здесь исследования центральным. Мы постараемся понять, как «адаптируется к непредсказуемому миру» дисциплина международных отношений сегодня.

Избранный нами ракурс во многом вдохновлён также идеей Дж. Миршаймера о том, что предиктивное знание опирается на знание теоретическое [23, с. 436]. Одна из наших задач состоит в том, чтобы определить, какие теории² международных отношений доминируют сегодня в прогностических работах. Помимо этого, мы обратимся к рассмотрению и других методологических аспектов (познавательных установок, методов, эмпирических оснований), которые определяют сегодня лицо этой области исследований. Иными словами, мы предпримем попытку в различных измерениях очертить методологический профиль, доминирующий сегодня в прогностических академических исследованиях мировой политики, определив, какие подходы и методы занимают в этой сфере главенствующие позиции.

Цели и задачи, которые мы ставим перед собой в этой статье, во многом продиктованы тем фактом, что данная работа является стартовым этапом реализуемого в МГИМО проекта «Трансформация системы международных отношений в контексте смены технологического уклада». Этот проект предполагает проведение целой серии прогностических исследований о влиянии технологических инноваций на мировую политику. Необходимым первым шагом в этой работе для нас было уяснение методологических доминант, характерных для современ-

² Здесь и далее в статье мы используем слова *подход*, *парадигма* и *теория* как синонимы для обозначения традиционно выделяемых школ мысли в международных отношениях. Как правило, в ядро списка таких подходов принято включать реализм, либерализм и конструктивизм.

ного предиктивного знания о мировой политике. На основе полученных результатов мы постараемся наметить пути для продвижения на этом поле не только нашего собственного проекта, но и для российской школы международных исследований в целом.

Научоведческий взгляд на международные исследования

При формировании замысла исследования, представленного в настоящей статье, мы опирались на традицию науковедческого и наукометрического изучения методологических и парадигмальных размежеваний в международных отношениях. История изысканий такого рода насчитывает уже несколько десятилетий. Одна из наиболее важных работ в этой области — монография «Власть силовой политики» Дж. Васкеса была опубликована в 1983 г. Она посвящена анализу развития дисциплины международных отношений сквозь призму философской концепции Томаса Куна. Васкес отмечал, с одной стороны, доминирование реализма в науке о международных отношениях, с другой — его ограниченную объяснительную силу. Ключевые аргументы работы были развиты в её значительно обновлённом и расширенном издании, включавшем анализ тенденций развития дисциплины к рубежу тысячелетий [28]³.

Впрочем, тезис о центральной роли реализма был подвергнут сомнению со стороны Т. Уокера и Дж. Мортон, которые в своём исследовании 2005 г. пришли к выводу, что влияние реалистской парадигмы постепенно сокращается, и реалистские подходы замещаются либеральными [29]. Эти выводы — в отношении сравнительного ослабления реализма — подтверждаются и другими исследованиями; их авторы, анализируя наукометрические показатели, приходят к выводу о растущем теоретическом разнообразии исследований по международным отношениям в США [19].

В то же время недавняя работа П. Кристенсена [17] показывает, что три основные теоретические подхода, принятые в рамках дисциплины — реалистский, либеральный и конструктивистский — по-прежнему задают её структуру. Особенно важно, что Кристенсен прослеживает теоретические расколы при помощи сетевого анализа цитирований в публикациях ведущих журналов, наглядно подтверждая имеющиеся у исследователей интуитивные догадки. В то же время он подчёркивает, что представление о замыкании в себе различных теоретических «лагерей» не соответствует действительности: они коммуницируют между собой более интенсивно, чем об этом принято думать.

Помимо парадигмальных размежеваний, ещё одна существенная для международных исследований линия раскола пролегает между приверженцами использования качественных и количественных методов. В этом отношении для

³ Почти тогда же вышел в свет сборник статей «Прогресс в теории международных отношений» [15], авторы которого предложили взглянуть на различные теории международных отношений и на полемику между их последователями с точки зрения концепции научно-исследовательских программ Имре Лакатоса.

международных исследований не в меньшей мере, чем для политической науки актуальны наблюдения Дж. Махони и Г. Гертца о двух методологических «культурах» — количественной и качественной [18]. Заслуживает внимания также методологическая полемика между С. Уолтом и Л. Мартин по поводу возможностей использования формальных моделей, разработанных в соответствии с теорией рационального выбора, в исследованиях по международной безопасности [22; 30].

Российские исследователи также не остаются в стороне от дискуссий об аппарате наук о мировой политике. В частности, изучению фундаментальных размежеваний, лежащих в основе различия количественных и качественных политологических методов, уделяется внимание в серии исследований Центра перспективных методологий ИНИОН РАН под руководством М.В. Ильина [4; 11]. Также ряд важных наблюдений об актуальных методологических трендах в международных исследованиях представил П.А. Цыганков, который в ряде недавних своих работ обращает внимание на конвергенцию теории международных отношений с методологическим аппаратом социологии [10]. Кроме того, ряд важных вопросов о современном состоянии теории международных отношений [2] был несколько лет назад поставлен одними из ведущих ученых МГИМО Т.А. Алексеевой и М.М. Лебедевой в рамках открытой дискуссии на страницах журнала «Полис». Участники дискуссии наметили контуры, по которым развивается теоретическое измерение современной отечественной школы международников и поставили вопросы о том, насколько близко сегодня дисциплина приблизилась к новым «большим дебатам» [1; 5; 6; 9].

Также ряд важных наблюдений о методологической специфике международных исследований в российских научных центрах был обозначен М.М. Лебедевой в брошюре «Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя» [7]. В ней, в частности, указывалось, что отечественная наука о международных отношениях сформировалась главным образом на базе исторического знания. Сама по себе такая ситуация не уникальна и характерна для многих других стран, однако если в западных университетах параллельно с дисциплиной международных отношений развивалась ещё и политическая наука, то в СССР такого второго фокуса исследований мировой политики не существовало (политология была институционализирована лишь в конце 1980-х гг.) [7, с. 8]. В результате возник дефицит в освоении российскими международниками позитивистских исследовательских установок, на необходимость догоняющего освоения которых указывают, например, авторы книги «Российская наука международных отношений: новые направления» [8, с. 393]. В той же работе предпринята и попытка очертить российскую версию «больших дебатов», представив их как столкновение лагерей западников, евразийцев, либералов, реалистов и неомарксистов [8, с. 85-113].

Проект ТРИП

Основным ориентиром при выборе методологии исследования, представленного в нашей статье, служил опыт проекта ТРИП (TRIP, Teaching, Research, and International Policy) [19; 20; 27]. Он реализуется под эгидой американского Колледжа Уильяма и Мэри и направлен на системное изучение современного состояния и ключевых трендов развития в сфере международных отношений как области знания. Одним из важнейших результатов проекта стало проведение комплексного исследования теоретико-методологического профиля американской науки о международных отношениях [19]. Участники проекта ТРИП опирались на базу данных, составленную из статей, опубликованных в ведущих научных журналах о международных отношениях в период с 1980 по 2007 г. Выборка статей из этих журналов была вручную классифицирована по 29 критериям, включая используемые методы и парадигмы, а также исследуемые регионы, тематические фокусы и многие другие параметры⁴. Вторым источником выступили результаты опросов американских исследователей-международников⁵, которые авторы проекта ТРИП проводили в 2004, 2006 и 2008 гг.⁶

Ключевой вывод авторов исследования заключается в том, что традиционное представление о доминировании в академической науке по международным отношениям четырёх «ключевых парадигм»: реализма, либерализма, марксизма и конструктивизма, — не отражает реальное состояние американской науки о международных отношениях. Согласно авторским заключениям, большая часть статей в 12 ведущих научных журналах по международным отношениям (от 30% в 1980 г. до более чем 50% в 2006 г.) относятся к категории «внепарадигмальных» работ (Рис. 1). К этой группе авторы причисляют работы, содержащие «статьи, в которых выдвигается и проверяется когерентная теория, но при этом они не укладываются однозначно в рамки одной из четырёх основных парадигм (реализм, либерализм, марксизм, конструктивизм)» [21, с. 8-9]. При этом существование общего мнения о доминировании парадигм в науке о международных отношениях авторы склонны отчасти объяснять тем, что научные статьи, написанные в русле реализма, либерализма, марксизма или конструктивизма имеют более высокий уровень цитируемости, нежели внепарадигмальные работы [19, с. 446-447].

Другой важный вывод, о котором мы уже упоминали выше, заключается в опровержении «общепринятого мнения о том, что реализм ... является

⁴ Полный список критериев классификации научных статей приводится в руководстве по кодированию (кодбуке) проекта ТРИП: [21].

⁵ В соответствии с терминологией TRIP, понятие «исследователь-международник» включает в себя преподавателей и научных сотрудников американских колледжей и университетов с четырёхлетней программой обучения, которые ведут исследования в области международных отношений, или же читают курсы по данной дисциплине.

⁶ Подробнее о методологии проекта TRIP см. [19, с. 440-441].

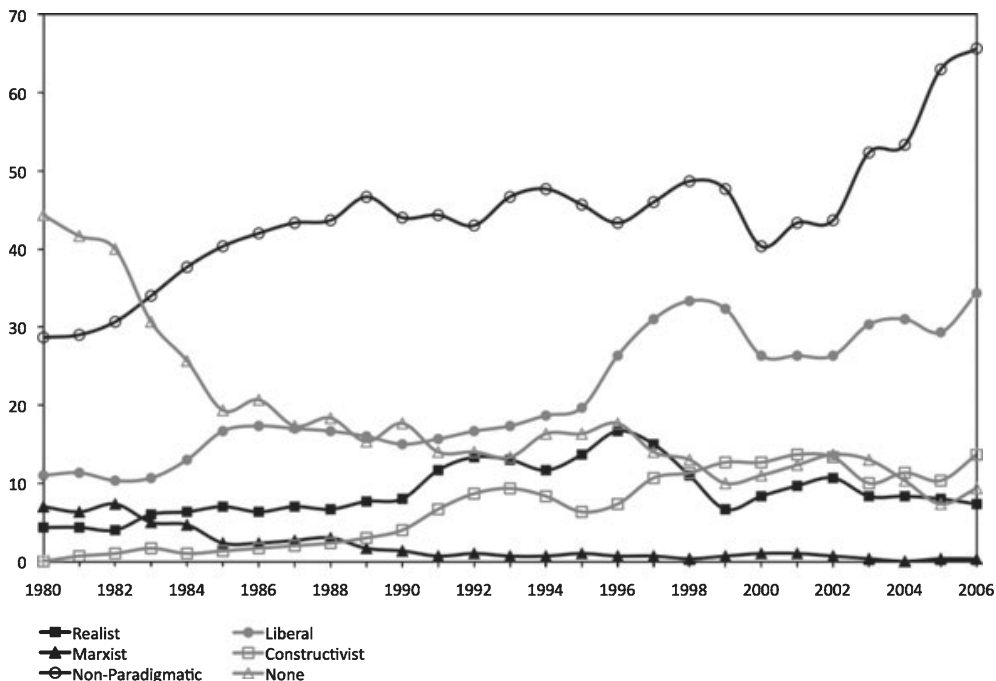

Рисунок 1. Распределение статей по признаку используемых парадигм (в %), 1980-2006 гг. [19].

Figure 1. Percentage of Articles by Paradigm, 1980–2006 [19].

главным теоретическим подходом в международных отношениях». Согласно результатам проведённых авторами опросов, в представлении американских исследователей-международников процент реалистских работ среди общего числа статей, опубликованных в 12 ведущих научных журналах о международных отношениях, варьировался от 39% в 1980-е гг. до 28% в 2008 г. Опросы также показали, что американские исследователи-международники придерживаются мнения о том, что среди всех четырёх ведущих парадигм именно реализм является ведущей по числу опубликованных работ, практически всегда опережая по объёму своей доли идущий на втором месте либерализм, за исключением периода 1990-х гг. [19, с. 442-443]. Однако согласно результатам обработки собранной базы данных, авторы проекта ТРИП установили, что доля реалистских статей в общем объеме исследований по международным отношениям никогда не превышала 15%, всегда уступая количеству статей, развивающих либеральную парадигму. При этом авторы отмечают, что в научных статьях реализм чаще всего выступает в качестве конкурирующей альтернативной теории (Рис. 2) [19, с. 448].

Также в рамках проекта ТРИП удалось продемонстрировать доминирующее и всё более преобладающее положение позитивистских познавательных установок (Рис. 3) и количественных методов анализа (Рис. 4) в международных исследованиях.

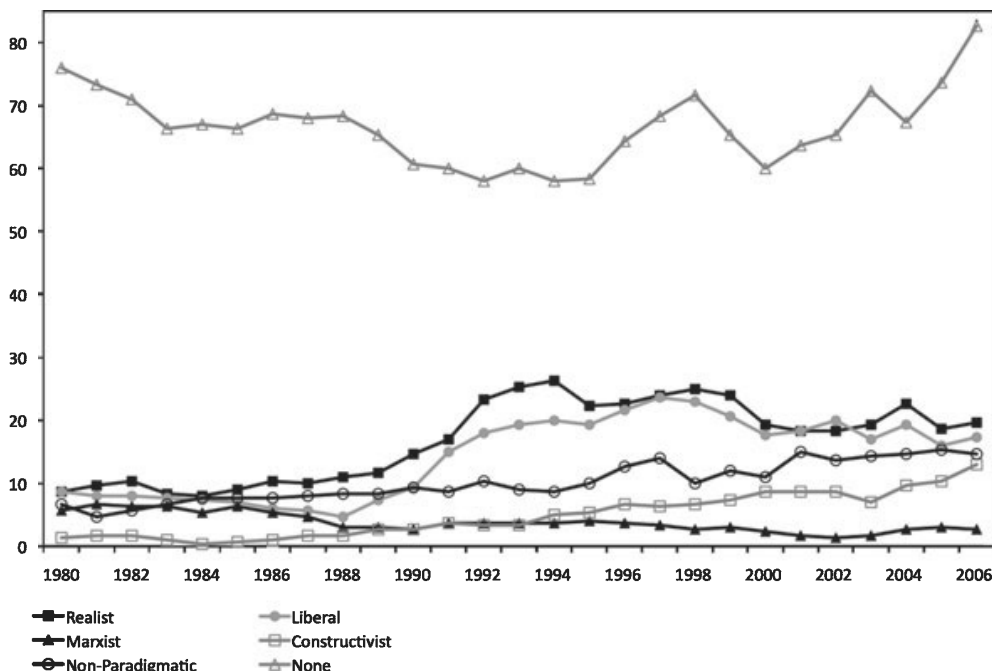

Рисунок 2. Распределение статей по признаку альтернативных парадигмы, которые рассматриваются всерьёз (в %), 1980–2006 гг. [19].

Figure 2. Percentage of Articles by an Alternative Paradigm Seriously, 1980–2006 [19].

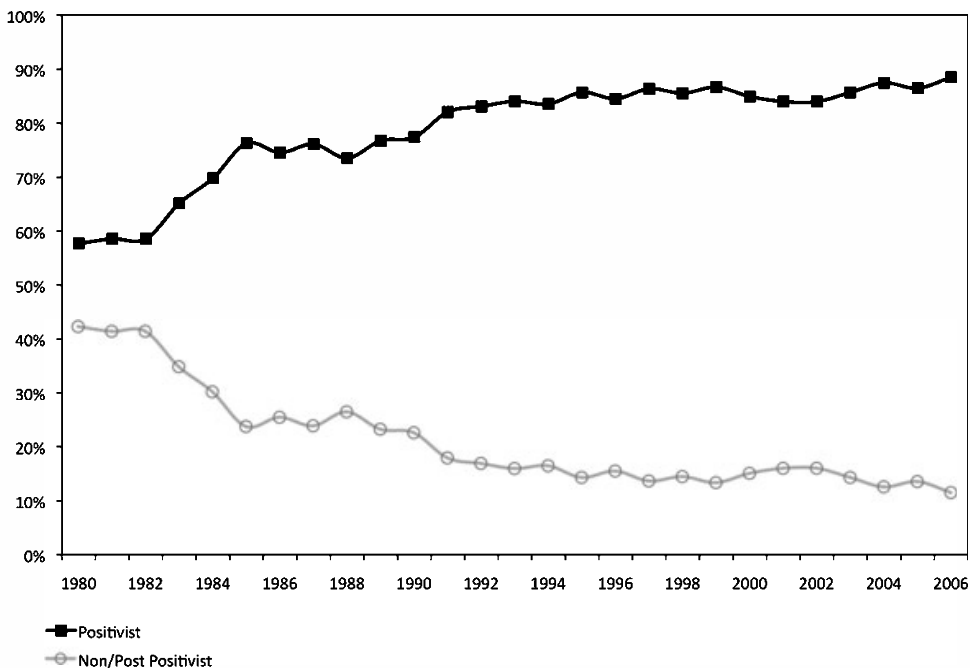

Рисунок 3. Распределение статей по признаку используемых эпистемологических установок (в %), 1980–2006 гг. [19].

Figure 3. Percentage of Articles by Epistemology Employed, 1980–2006 [19].

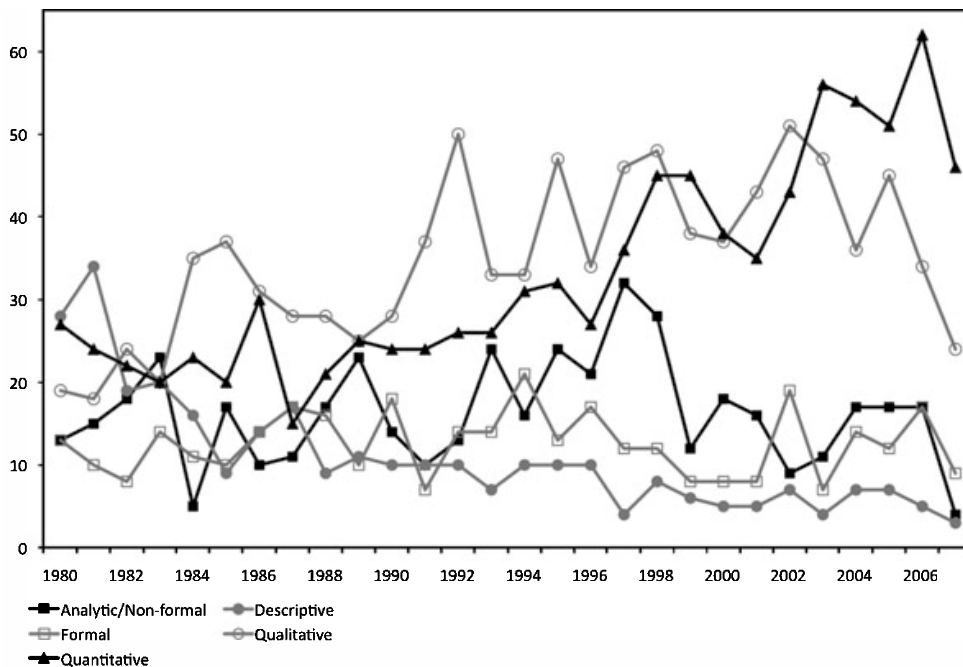

Рисунок 4. Распределение статей по признаку используемых методов (в %), 1980-2006 гг. [19].

Figure 4. Percentage of Articles by Methodology Employed, 1980–2006 [19].

Материалы и методы

Именно позаимствованное из проекта ТРИП руководство по кодированию материалов стало ключевым элементом методологии нашего исследования. Решение ориентироваться на него было продиктовано тем фактом, что выработанные авторами ТРИП аналитические установки показали свою эффективность. И хотя многие из категорий и принципов кодирования являются неоспорными, они, на наш взгляд, сегодня наиболее близки к тому, чтобы стать образцом для других исследований такого рода. Кроме того, опора на используемый и популярный инструмент позволяет соотнести наши результаты с работами, уже прошедшими проверку академическим сообществом.

Ключевая задача нашего исследования в общих чертах была очень близка к той, которая решалась в рамках проекта ТРИП. В нашем случае цель тоже состояла в том, чтобы составить методологический портрет дисциплины международных отношений, как она представлена в ведущих мировых научных журналах. При этом, однако, мы стремились не охарактеризовать всю дисциплину в целом, а исследовать только ту её часть, которая сфокусирована на проблемах предсказания будущего. Но и для этой области мы не пытались составить полную карту, а стремились определить только то, какие способы получения знания занимают в этой сфере доминирующее положение. По этой причине нас интере-

совали не все прогностические исследования о мировой политике и даже не все американские или «западные» работы, посвящённые этой проблематике, а лишь те из них, которые занимают в дисциплине передовые позиции с наукометрической точки зрения.

В целом программа нашего исследования состояла из трёх этапов:

Определение набора публикаций, занимающих лидирующее положение в корпусе современных научных статей, посвящённых международным отношениям.

Формирование списка ключевых слов для автоматического отбора статей, содержащих выводы предиктивного характера.

Ручное кодирование корпуса статей, автоматическим образом сформированного на основе списка ключевых слов.

При формировании корпуса лидирующих публикаций мы руководствовались двумя критериями. Для включения в анализируемый массив статья, во-первых, должна быть опубликована в одном из ведущих журналов⁷, посвящённых международным отношениям, в период с 2006 по 2015 г.⁸, во-вторых, быть написана автором, который за этот период опубликовал не менее двух статей в этих изданиях. В результате мы получили подборку публикаций наиболее авторитетных авторов в наиболее авторитетных научных журналах.

Такой сложный механизм был выбран по причине того, что однократное попадание исследователя в число авторов одного из ведущих мировых журналов ещё не говорит о том, что его мнение обладает значительным авторитетом. Однако при появлении в ведущих журналах нескольких публикаций одного автора, можно уже с большей уверенностью говорить о том, что его позиция интересует сообщество и разделяется большинством исследователей. Данное предположение было подтверждено тем фактом, что после проведения поиска и оценки полученного массива мы обнаружили, что в Scopus, в которой проиндексировано семь из восьми журналов, статьи авторов, которые имеют более двух публикаций в журналах из нашего перечня, получают 48% цитат: 3393 цитирований из 7004 приходится на статьи выделенных нами авторов⁹.

При формировании списка ведущих журналов мы опирались на данные рейтинга SJR за 2015 г. в рубрике «Политическая наука и международные отноше-

⁷ Наше исследование сфокусировано на международных отношениях как научной дисциплине, поэтому исследуемый массив ограничен журналами, индексируемыми в научных базах данных. При этом за пределами рассмотрения могут оказаться важные прогностические работы, выпускаемые влиятельными экспертными центрами и публикуемые в полиси-журналах. Методологический профиль этой области международных исследований заслуживает того, чтобы стать предметом отдельного исследования.

⁸ Именно такой десятилетний период был выбран для того, чтобы анализируемые публикации, с одной стороны, не были бы слишком старыми и отражали бы современные научные тенденции, а, с другой стороны, не были бы слишком новыми, чтобы гарантированно быть прочитанными, процитированными и проиндексированными в базах данных.

⁹ В случае проверки по базе Web of Science аналогичный показатель составил 30% (744 цитирований из 2415). Такое значение можно объяснить тем, что цитаты в базе Web of Science относятся к только одному журналу из числа вошедших в анализируемый нами список, а не к семи, как в случае со Scopus.

ния». В перечень вошли восемь лидирующих журналов, для которых международные отношения являются главным тематическим фокусом:

European Journal of International Relations,
International Organization,
International Security,
International Studies Quarterly,
Journal of Conflict Resolution,
Journal of Peace Research,
Security Studies,
World Politics.

Перечень журналов был сформирован именно по таким принципам, исходя из задач изучения прогностических исследований как части дисциплины международных отношений. При этом за пределами рассмотрения мы оставили статьи по международной проблематике, которые публикуются в специализированных журналах, посвящённых прогнозированию.

Такие журналы как «Futures: the journal of policy, planning and futures studies», «Foresight: The International Journal of Applied Forecasting», Journal of Forecasting занимают сегодня авторитетные позиции, но относятся скорее к инфраструктуре форкастинговых исследований как самостоятельной дисциплины¹⁰ (International Journal of Forecasting, например, функционирует как издание Международного института прогнозистов¹¹). По своему методологическому и предметному профилю эти издания в значительной мере тяготеют к изучению и предсказанию процессов, к которым применимы статистические вероятностные методы (большое число однотипных кейсов, поддающихся количественному кодированию). Таковы, скажем, прогностические работы, посвящённые проблемам рынков, производства и потребления, демографии и пр. Некоторые из этих журналов иногда публикуют статьи по темам, имеющим отношение к международной проблематике. Это, однако, случается нечасто. Готовя свое исследование, мы проанализировали в пилотном формате выпуски ведущих журналов такого рода за последние три года и не обнаружили достаточного для анализа массива статей по тематике международных отношений.

Исключая специализированные форкастинговые журналы из рассмотрения, мы ориентировались также и на то, чтобы сделать своей задачей картирование пространства прогностических исследований в рамках дисциплины международных отношений, но не картирование пространства международных исследований в рамках дисциплины форкастинга. По этой причине мы остановились на списке из восьми журналов, приведённом выше и сформировали набор ключе-

¹⁰ Процесс выделения форкастинга в самостоятельную дисциплину — и тем самым, по сути, отмежевание прогностических исследований от иных социальных и политических дисциплин — заслуживает отдельного науковедческого изучения.

¹¹ International Institute of Forecasters.

вых слов, который позволял бы автоматически отобрать из этих журналов статьи, содержащие прогностические выводы.

Список поисковых терминов (Прил. 1) был составлен нами на основе ручного анализа аннотаций статей нескольких случайно выбранных выпусков журналов из перечня. Перед аналитиками при этом ставилась задача отобрать статьи, основные выводы которых содержали эксплицитные предположения о будущем положении дел в мировой политике, и выделить в заголовках и аннотациях указывающие на это слова. Сформированный на основе этих слов поисковый запрос был впоследствии дополнен несколькими словами-исключениями, перечень которых был составлен на основе результатов анализа нескольких случайно выбранных результатов из поисковой выдачи. Помимо этого, впоследствии, на этапе кодирования, аналитики имели возможность исключать из массива статьи, попавшие туда вследствие неточности автоматизированного отбора. В результате, из 172 статей, попавших в поисковую выдачу, в итоговый массив для анализа вошли 160 (распределение статей по журналам представлено в Прил. 2).

Эти 160 статей были вручную закодированы по набору из восьми перечисленных ниже параметров. Каждая из статей кодировалась как минимум двумя аналитиками независимо друг от друга. В том случае, если по каким-то параметрам между вариантами кодировки двух аналитиков возникали расхождения, для кодирования проблемных параметров привлекался третий аналитик, который мог как согласиться с вариантом одного из аналитиков, так и выбрать свой вариант ответа.

Перечень кодируемых параметров был следующим (кодирование всех параметров за исключением 1, 2, 6 и 8 допускало несколько вариантов ответа):

1. Основная парадигма (реализм / либерализм / марксизм / конструктивизм / внепарадигмальные исследования¹² / атеоретические исследования)¹³.
2. Эпистемологическая установка (позитивизм / интерпретивизм).
3. Методы (качественные исследования / количественные исследования / формальное моделирование / контрфактические исследования / неформальные концептуальные (аналитические) исследования / описательные исследования / экспериментальные исследования).
4. Временной охват эмпирической базы исследования.
5. Географический охват эмпирической базы исследования.
6. Наличие политических рекомендаций (да / нет).
7. Срок прогноза.
8. Характер прогноза.

¹² Мы используем термин *внепарадигмальные исследования*, следуя за авторами проекта ТРИП, однако, если попытаться подыскать для такого рода работ «катафатическое» обозначение, то их стоило бы назвать *исследованиями на основе теорий среднего уровня* (подробнее см. напр.: [25]).

¹³ Подробнее см. Прил. 3.

Кодирование статей по первым шести параметрам осуществлялось с опорой на руководство для кодирования материалов проекта ТРИП¹⁴. В дополнение к параметрам, взятым из ТРИП, были введены параметры «срок прогноза» и «характер прогноза», позволяющие кодировать характеристики, специфические именно для прогностических работ.

О сильных и слабых прогнозах

Кодирование характера прогноза в рамках нашей методики предполагало выбор одного из двух вариантов: «сильный прогноз» или «слабый прогноз». При этом под слабыми прогнозами понимались нечёткие, общие прогностические утверждения — о том, какие факторы сделают определённое развитие событий в будущем более вероятным, а под сильными прогнозами — конкретные, определённые прогностические утверждения о том, какие тренды и какие события будут иметь место в будущем.

Введенное нами понятие слабых прогнозов — это попытка очертить тот тип вероятностных предиктивных утверждений, которые возникают как экстраполяции на основе дедуктивных номотетических теорий (увлечение которыми как раз и критикуют в своей статье С. Бернштейн и его соавторы [13, с. 43-53]). Категория же сильных прогнозов, по нашему замыслу, должна включать конкретные прогнозы, особенно распространённые в прикладной политической аналитике, а также более сбалансированные сценарные прогнозы по модели форвард-ризонинга, предложенной Бернштейном [13, с. 53-59]. В общих чертах различие слабых и сильных прогнозов можно представить как опрокинутое в прогностическое знание различие номотетического и идеографического подходов [31, с. 12]. Слабыми мы называем «номотетические» прогнозы, выводимые как общие закономерности, а сильными — прогнозы «идеографические», формулируемые как знание о конкретных будущих фактах.

В качестве примера слабого прогноза, можно привести, скажем, статью А. Эскриба-Фолька и Дж. Райта «Справиться с тираном. Международные санкции и выживание авторитарных правителей» [16]. В этом исследовании авторы изучают влияние экономических санкций на стабильность авторитарных режимов различного типа посредством количественного анализа данных об эпизодах введения санкций за период с 1960 по 1997 г. В финальной части ста-

¹⁴ ФВ при этом в кодбук ТРИП [21] были внесены некоторые изменения: были детализированы перечни вариантов ответа, использовавшиеся при кодировании географического охвата эмпирической базы (region under study) (например, Канада выделена в отдельный вариант ответа в отличие от варианта «Канада и Западная Европа» в кодбук ТРИП). Кроме того, из списка методологий исключен пункт «policy analysis» по той причине, что такой анализ едва ли может рассматриваться в качестве самостоятельной методологии, так как определяется не столько через инструментальный анализ, сколько через его предмет. При этом полиси-анализ в любом случае нуждается в дополнительной методологической спецификации, поскольку распадается на количественные и качественные разновидности, которые и могут быть закодированы в соответствующей графе.

ты авторы заключают, что «санкции могут дестабилизировать некоторые диктаторские режимы, но не все из них»: «В персоналистских режимах санкции увеличивают вероятность потери власти автократом, а в однопартийных и военных режимах санкции либо неэффективны, либо контрпродуктивны. Кроме того, [...] санкции оказывают менее дестабилизирующее воздействие в нефтедобывающих странах». Также А. Эскриба-Фольк и Дж. Райт добавляют: «Если требуется, чтобы санкции были эффективны в дестабилизации диктатуры, они должны бить по источникам дохода, которые необходимы диктатору, чтобы оставаться у власти. [...] Наши результаты дают основания предположить, что [...] в персоналистских режимах, когда санкции сокращают ресурсы, доступные для патронажа, диктаторы не могут адекватно подстроиться под ситуацию и с высокой вероятностью сталкиваются с давлением, которое ведет к дестабилизации режима» [16, с. 355-356].

Как видно из этого примера, такого рода прогнозы ничего (или почти ничего) не сообщают о будущем мировой политики с точки зрения конкретных действующих лиц, событий и процессов, однако они формулируют общие закономерности, из которых могут делаться обобщённые предиктивные выводы пробабилистского характера. Такие, например, как предположение о большей эффективности санкций, которые бьют по ключевым для диктатора источникам дохода.

Что касается сильных прогнозов, то здесь можно привести в качестве примера работу на похожую тему — статью «Стратегия выживания Пхеньяна. Инструменты авторитарного контроля в Северной Корее» Д. Баймэна и Дж. Линд [14]. В этом исследовании, опубликованном в 2010 г., авторы обращались к вопросу о будущем северокорейского режима, исследуя арсенал средств, которые используются властями КНДР для предотвращения возможных попыток переворота, а также анализируя потенциал различных инструментов внешнего принуждения, которые можно использовать в отношении северокорейских лидеров. Рассматривая среди прочего и перспективы применения экономических санкций, авторы отмечали: «Санкции, нацеленные на ослабление экономики в целом вряд ли дадут большой принуждающий эффект; Ким Чен Ир (так же как Сталин, Саддам, и многие другие диктаторы) защищает свой селекторат, перекладывая бремя санкций на народ. Более действенный рычаг экономического давления на режим Кима — это прямая угроза отрезать ему доступ к свободно конвертируемой валюте и премиальным товарам, которые нужны ему, чтобы подкупать селекторат» [14, с. 72].

Как можно убедиться, Баймэн и Линд излагают выводы, во многом сходные с теми, которые высказывают в своей статье Эскриба-Фольк и Райт, однако избирают при этом другой ракурс, не стараясь зафиксировать некоторую общую закономерность, а пытаясь ответить на весьма конкретные вопросы. О том, как конкретные политические акторы будут действовать при том или ином конкретном развитии событий. Статья Баймэна и Линд не является при

этом примером совсем уж радикального проявления логики сильного прогноза, поскольку её авторы приходят к своим пусть и очень конкретным выводам через отсылку к неким общим закономерностям, как минимум ставя режим Кимов в один ряд с другими похожими режимами. Более того, Баймэна и Линд, так же, как и Эскриба-Фолк и Райт, цитируют вполне «номотетическую» работу Р. Папе «Почему санкции не работают» [24]. Для нас, однако, важно обратить внимание именно на такой пример прогностической работы, поскольку он, с одной стороны, наглядно показывает специфику сильных прогнозов, а, с другой стороны, демонстрирует, что сильное прогнозирование отнюдь не тождественно радикальному идеографическому подходу.

Впрочем, пример сильного прогноза с более выраженным идеографическим началом также стоит привести. Такова, например, статья всё той же Дж. Линд в соавторстве с Б. Беннетом под названием «Крах Северной Кореи. Военные миссии и их задачи» [12]. В ней авторы опираются на анализ большого корпуса источников по северокаорейской проблематике и проблемам безопасности в Восточной Азии в целом. Исследовательские вопросы при этом формулируются с высокой степенью предметной фокусировки — авторы ставят своей задачей понять, каковы возможные сценарии краха северокаорейского режима, какими могут быть последствия такого краха в плане международной безопасности, военные миссии какой численности могут потребоваться для стабилизации ситуации, какие задачи им предстоит выполнять и сотрудничество каких международных политических игроков потребуется для планирования таких операций.

Результаты

Именно с данных о месте слабых и сильных прогнозов в современных международных отношениях имеет смысл начать обсуждение результатов нашего исследования. Цифры, полученные по результатам анализа, показывают, что *сильные прогнозы* на сегодняшний день не только не являются преобладающим способом рассуждения о будущем в академическом секторе международных исследований, но занимают в нём положение близкое к маргинальному. Из всех проанализированных в рамках нашей работы статей в категорию сильных прогнозов попали менее 10 % (Рис. 5, Табл. 8). Иными словами, подавляющее большинство передовых прогностических статей о мировой политике не содержали сценариев конкретных будущих событий с указанием определённого набора международных акторов. Дополнительно на периферийное положение сильного прогноза как жанра академического исследования указывает тот факт, что более 98 % проанализированных статей относились к «неопределённому будущему» (Табл. 7), то есть не предполагали прогноза в привязке к определённому временному периоду.

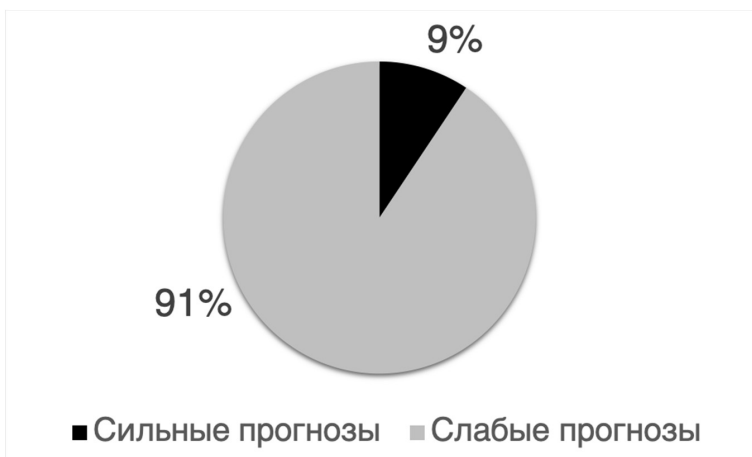

Рисунок 5. Распределение прогностических статей по признаку наличия в них сильных или слабых прогнозов (в %).

Figure 5. Percentage of Prognostic Articles by the Type of Prognosis (Strong / Weak).

Источник: Собственные данные.

Таким образом, доминирующим типом предиктивных исследований мировой политики выступают сегодня слабые прогнозы, то есть исследования, строящиеся на вероятностных прогностических экстраполяциях формальных мо-

Рисунок 6. Распределение прогностических статей по признаку используемых парадигм (в %).

Figure 6. Percentage of Prognostic Articles by Paradigm (Constructivism, Liberalism, Marxism, Realism, Non-paradigmatic, Atheoretic).

Источник: Собственные данные.

делей. Иными словами, если исходить из узкого значения термина прогноз, то прогнозирование вообще занимает периферийное положение в пространстве исследований мировой политики. По крайней мере, именно такова ситуация в академическом сегменте этой дисциплины.

Что же касается методологических размежеваний в проанализированном массиве, то, как показывают результаты нашего исследования, в целом в пространстве прогностических исследований преобладают внепарадигмальные исследования (45%) (Рис. 6, Табл. 1). Из числа же традиционных парадигм лидирующее положение занимает либерализм (25,6%). Марксистские исследования в проанализированном массиве полностью отсутствуют.

Таким образом, в общих чертах картина, которую мы наблюдаем в современных прогностических исследованиях международных отношений сходна с той, что была зафиксирована в рамках проекта TRIP при изучении состояния академических исследований мировой политики в США (Рис. 1). Заметно отличается лишь положение реализма, доля которого в статьях из проанализированного массива прогностических статей оказалась в два раза больше, чем в массиве, исследовавшем в рамках проекта ТРИП. Эти различия, впрочем, могут объясняться разницей в наборе исследуемых журналов и анализируемых периодов.

Есть, однако, ещё один факт, который позволяет предположить, что положение реализма в пространстве прогностических исследований действительно несколько более влиятельно, чем его положение в дисциплине международных отношений в целом. Как показал проведённый в рамках нашего исследования анализ парадигмальных расхождений в сфере сильных прогнозов, в этой области реализм занимает доминирующее положение (более 50%). Этот вывод, однако, требует дополнительной проверки, поскольку, как было показано выше, в проанализированном массиве количество сильных прогнозов слишком мало.

Несмотря на то, что позиции сильных прогнозов у реалистов довольно сложно оценить статистически, качественный анализ немногочисленных статей с сильными реалистскими прогнозами, позволяет сделать предположение о том, что к построению сильных прогнозов подталкивают сами базовые положения этой школы мысли и устоявшаяся в ней традиция выстраивания рассуждений. Необходимость фокусироваться на государствах как ключевых акторах мировой политики, на их силовом потенциале, интересах и действиях заставляет писать в духе, напоминающем сильный прогноз. При этом даже сильные реалистские прогнозы далеко не всегда содержат рассмотрение возможных сценариев развития событий и конкретные политические рекомендации. Зачастую они строятся вокруг размышлений о том, как конкретные участники международных отношений будут реагировать на действия друг на друга и изменение общей ситуации.

Что касается соотношения позитивистских и интерпретивистских эпистемологических установок, то в этом плане прогностические исследования (Рис. 7, Табл. 2) также в целом сходны с общим массивом статей по международным отношениям (Рис. 3). В плане используемых методов в прогно-

стических исследованиях наблюдается существенное преобладание количественных методов (Рис. 8, Табл. 3), сходное с тем, что было зафиксировано в рамках проекта TRIP (Рис. 4). Доля исследований с использованием методов формального моделирования при этом составляет 68%, а доля качественных исследований — 22%.

Рисунок 7. Распределение прогностических статей по признаку используемых эпистемологических установок (в %).

Figure 7. Percentage of Prognostic Articles by Epistemology Employed (Positivism/Interpretivism).

Источник: Собственные данные.

Вероятно, гораздо более высокая доля «формального моделирования» в наших результатах по сравнению с результатами проекта ТРИП связана с тем, что мы расширительно истолковали само понятие *формального моделирования*, которое в кодбуке ТРИП описано не слишком отчётливо. Возможно, авторы ТРИП предполагали, что в эту категорию следует относить лишь теоретико-игровые модели и модели теории рационального выбора. В нашем же анализе мы отнесли к этой категории также все объяснительные статистические модели, включая регрессионные.

Еще одно существенное расхождение между результатами нашего исследования и данными проекта ТРИП наблюдается в том, что касается доли статей, содержащих политические рекомендации (Рис. 9, Табл. 6). Наш анализ показал, что политические рекомендации содержатся в более чем 27% проанализированных прогностических публикаций, при том что в массиве, исследованном в рамках проекта ТРИП, их доля составила только 12% [19, с. 440].

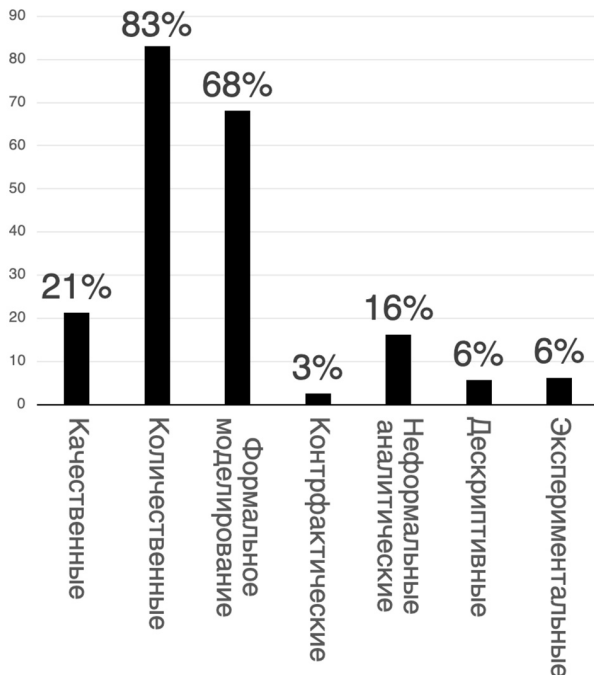

Рисунок 8. Распределение прогностических статей по признаку используемых методов (в %).

Figure 8. Percentage of Prognostic Articles by Methodology Employed (Qualitative, Quantitative, Formal Modelling, Counter-Factual, Non-formal Analytic, Descriptive, Experimental).

Источник: Собственные данные.

Эмпирическую базу проанализированного массива прогностических исследований по большей части составляют данные глобального географического охвата (Рис. 10, Табл. 5). Такого рода исследования составляют более половины всех проанализированных прогностических статей. В тех же, что сосредоточены на конкретных регионах, преобладают исследования, сфокусированные на США, Западной Европе, Ближнем Востоке и Восточной Азии (включая Китай). Такое распределение, вероятно, связано со страновой принадлежностью журналов, занимающих лидирующее положение в дисциплине. Кроме того, фокус на Соединённых Штатах, очевидно, может объясняться ещё и особым положением этого государства в нынешней международной системе.

По своему временному охвату эмпирическая база проанализированных статей по большей части состоит из данных за период после Второй мировой войны с доминированием последних трёх десятилетий (Рис. 11, Табл. 4). Это, вероятно, объясняется тем фактом, что именно для этих периодов существуют наиболее полные и разнообразные базы данных, позволяющие проводить исследования с использованием количественных методов. Здесь есть повод ещё раз вспомнить

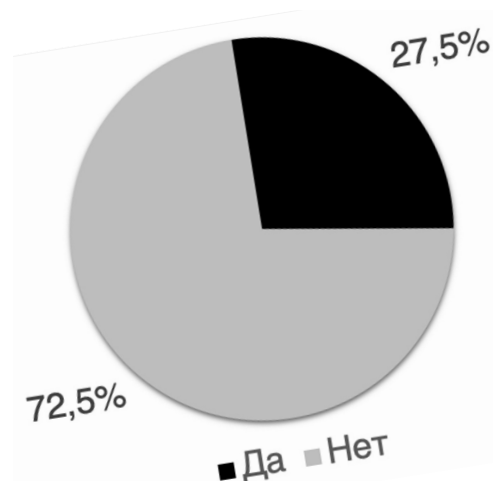

Рисунок 9. Распределение прогностических статей по признаку наличия / отсутствия (да / нет) политических рекомендаций (в %).

Figure 9. *Percentage of Prognostic Articles in Which Policy Recommendations Are Offered / Not Offered.*

Источник: Собственные данные.

о критике, которую адресовали международникам С. Бернстайн и его соавторы. Наблюдение о том, что предметом исследования в мейнстриме международных отношений становится как правило не то, что важно исследовать, а то, что исследовать проще [13, с. 44], сохраняет актуальность сегодня так же, как и два десятилетия назад.

Подводя итоги нашего исследования, стоит отметить, что наиболее интересным и важным нам представляется результат, который удалось получить при исследовании пропорции *сильных* и *слабых* прогнозов. Исходя из данных ТРИП о преобладании в современных международных отношениях внепарадигмальных позитивистских количественных исследований, можно было ожидать, что позиции номотетических и пробабилистских подходов корпусе прогностических работ будут сильны, однако в наших исходных интуициях мы все же не предполагали, что доминирование таких подходов окажется столь тотальным, а маргинализация сценарных подходов к прогнозированию столь выраженной.

Можно, однако, предположить (соответствующая гипотеза потребует проверки в рамках будущих исследований), что публикации о сильных прогнозах более распространены в публикациях экспертных центров (таких, например, как RAND Corporation), а также в так называемых полиси-журналах (Survival, Security Studies и т.п.), более ориентированных на рассуждения о сценариях будущего развития событий с фокусом на действия конкретных международных акторов. На это, в частности, указывает тот факт, что среди сильных прогнозов больше доля публикаций, содержащих политические рекомендации (Табл. 6).

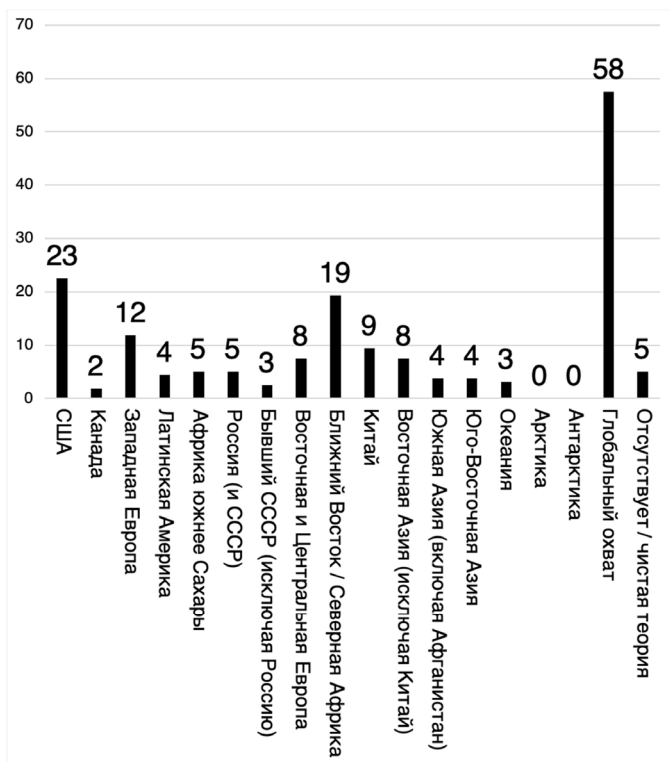

Рисунок 10. Распределение прогностических статей по признаку географического охвата эмпирической базы (в %).

Figure 10. Percentage of Prognostic Articles by Region Under Study.

Источник: Собственные данные.

Кроме того, интересными представляются выводы (пусть пока ещё и требующие дополнительного подтверждения) о сильных позициях реалистской традиции в сфере сильных прогнозов и в целом о более выраженном её влиянии по сравнению с ситуацией в дисциплине в целом. Этот результат может показаться контринтуитивным, если принять во внимание, например, мнение Дж. Снайдера, который, говоря о «слепых пятнах» реализма указывал на его неспособность «учитывать прогресс и изменения, происходящие в международных отношениях» [26, с. 59]. Однако возможно взглянуть на это и иначе, предположив, что тот факт, что для реализма, в отличие от либерализма, характерно отсутствие любых предзаданных представлений о фактическом или желаемом «пункте назначения», к которому движется мировая политика, делает его не менее, а более восприимчивым к проблемам неопределённости будущего. Это, впрочем, пока скорее только предположение, требующее дальнейшего более детального изучения.

В начале этой статьи мы отмечали, что проведённое нами исследование является первым этапом для запуска на базе МГИМО крупного прогностического проекта о будущем международных отношений в контексте технологических

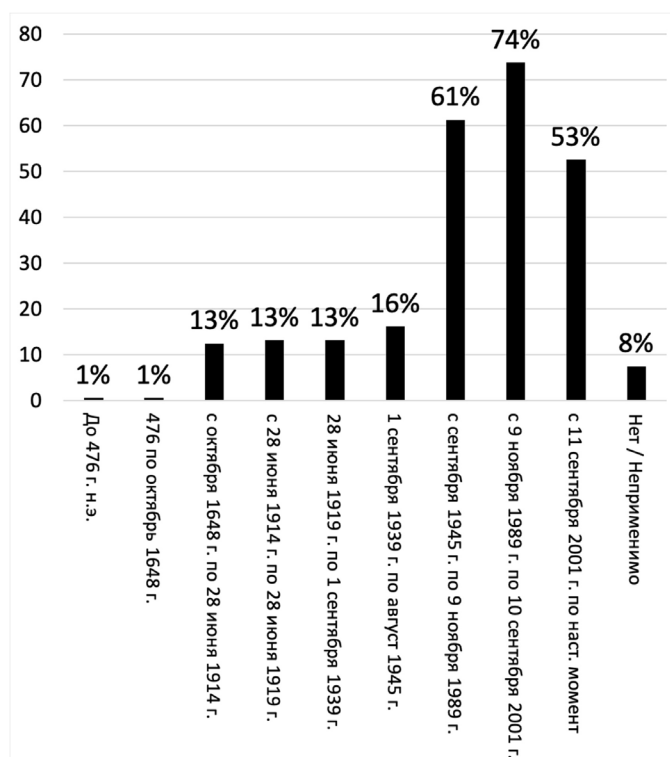

Рисунок 11. Распределение прогностических статей по признаку временного охвата эмпирической базы (в %).

Figure 11. Percentage of Prognostic Articles by Time Period Under Study.

Источник: Собственные данные.

инноваций¹⁵. Нам важно было понять, какие теоретические и эпистемологические установки доминируют сегодня в области академического мейнстрима международных исследований, с тем чтобы определить наиболее выигрышные подходы и наметить перспективные направления для своей будущей работы. Однако положение дел, которое мы зафиксировали, скорее подталкивает не к тому, чтобы следовать в колее нынешнего академического мейнстрима, а к тому, чтобы искать вдохновения за пределами этой области и выработать оригинальные подходы и решения самостоятельно.

Как показал наш анализ, те задачи и вызовы, которые были очерчены для предиктивных международных исследований ещё двадцать лет назад не потеряли своей актуальности и по сей день. «Увлечение дедуктивной логикой, фальсифицируемыми гипотезами и статистической проверкой узких предположений» [13, с. 45] — это то, что мы по-прежнему почти повсеместно наблюдаем в академическом мейнстриме международных исследований. И это была бы не такая уж плохая картина, если бы доминирование этих подходов не было бы столь

¹⁵ В проанализированном нами массиве предиктивных статей исследования о технологических аспектах мировой политики составили только 2,5%.

тотальным: если бы номотетические вероятностные модели, которыми столь увлечены международники академического цеха соединялись бы с задачами определения конкретных актуальных трендов и выработки сценариев будущего. Поиском такого рода трендов и сценариев, разумеется, заняты специалисты из сферы экспертизы и консалтинга, но для академического сектора международных исследований эти задачи по-прежнему остаются в «слепой зоне».

В этой ситуации особенно важно правильно оценить сильные и слабые стороны отечественной школы международных отношений. Её положение сегодня довольно специфично в том смысле, что для неё увлечение внепарадигмальными вероятностными моделями и количественными методами свойственно гораздо в меньшей степени. Это обстоятельство существенным образом затрудняет интеграцию российской традиции в современный политологический мейнстрим, отбрасывая ее на периферию глобального научного дискурса о международной политике и вынуждая примерять на себя роль «догоняющего».

Однако можно в этом положении вещей усмотреть и особого рода возможности и перспективы. Альтернативой «догоняющему развитию» («парадигме освоения» в терминах А.Д. Богатурова [3]) могла бы стать более сосредоточенная работа именно в тех областях, которые остаются «слепыми зонами» доминирующих сегодня в науке подходов. Этот путь более сложный, но и более перспективный, чем простая гонка за лидером. Для продвижения по нему российским исследователям придётся решать сразу две задачи: с одной стороны, оперативно брать на вооружение актуальные ныне для мирового академического мейнстрима подходы, с другой — искать им альтернативы и дополнения с опорой на уже существующие наработки отечественной традиции и на новые решения, которые ещё предстоит изобрести. Как показал наш анализ, одна из областей, где есть место для такого рода оригинальных подходов, — это сценарные прогностические исследования. В этой сфере задача соединения научного знания об общих закономерностях развития международных процессов с направленным в будущее отслеживанием конкретных сюжетов и тенденций по-прежнему актуальна, а может быть даже актуальна как никогда.

Приложения

Приложение 1. Ключевые слова и поисковые запросы

Список ключевых терминов для поиска в названии, кратком содержании и ключевых словах и примеры оформления запросов по базам журнальных статей Scopus и Web of Science

Включено	Исключено
chance	future application
expect	future of the discipline
forecast	future of the field

Включено	Исключено
foresight	future of the theory
foresee	future research
future	future study
likelihood	new possibility
possibility	
predict	
probability	
prognosis	
scenario	

Поисковый запрос для Scopus

ISSN (1354-0661) OR ISSN (0020-8183) OR ISSN (0162-2889) OR ISSN (0043-8871) OR ISSN (0022-0027) OR ISSN (0022-3433) OR ISSN (0020-8833) OR ISSN (0963-6412) DOCTYPE (ar) AND (TITLE-ABS-KEY (foresee*) OR TITLE-ABS-KEY (expect*) OR TITLE-ABS-KEY (predict*) OR TITLE-ABS-KEY (foresight*) OR TITLE-ABS-KEY (forecast) OR TITLE-ABS-KEY (likelihood) OR TITLE-ABS-KEY (probabilit) OR TITLE-ABS-KEY (possibilit) AND NOT TITLE-ABS-KEY ("new possibilit*") OR TITLE-ABS-KEY (chance) OR TITLE-ABS-KEY (expect) OR TITLE-ABS-KEY (prognosis) OR TITLE-ABS-KEY (scenario*) OR TITLE-ABS-KEY (future) AND NOT TITLE-ABS-KEY ("future research") AND NOT TITLE-ABS-KEY ("future application") OR TITLE-ABS-KEY ("future stud") OR TITLE-ABS-KEY ("future of the field") OR TITLE-ABS-KEY ("future of the discipline") OR TITLE-ABS-KEY ("future of the theor")) AND (LIMIT-TO (PUBYEAR, 2015) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2014) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2013) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2012) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2011) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2010) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2009) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2008) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2007) OR LIMIT-TO (PUBYEAR, 2006)) AND (LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Weidmann, N.B.#25223959600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Gleditsch, K.S.#6603569863") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Asal, V.#23990369500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Beardsley, K.#6602155179") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Buhaug, H.#13407965000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Maoz, I.#6701886308") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Neumayer, E.#7004548786") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Plümper, T.#6602664375") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Rathbun, B.C.#16310498400") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Baccini, L.#36112973000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Brancati, D.#8928406500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Böhmelt, T.#35329018600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Cederman, L.E.#6602313667") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Choi, S.W.#55493254900") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Clare, J.#56213230200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Colaresi, M.#6603145078") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Enders, W.#34769960900") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Escribà-Folch, A.#25924879500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID,

"Gibler, D.M.#6602893487") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Goldsmith, B.E.#8513879000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Hobfoll, S.E.#7006091746") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Kathman, J.D.#22634874100") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Maoz, Z.#6603201949") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Brandt, P.T.#35884396500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Brulé, D.J.#6603347920") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Butler, C.K.#7201550806") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Canetti, D.#7801376387") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Carey, S.C.#14029716000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Davies, G.A.M.#21933844900") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Daxecker, U.E.#22950035800") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "De Mesquita, B.B.#6602108447") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Dietrich, S.#56954444500") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Eck, K.#16051955700") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Ferrero, M.#13004050300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Fey, M.#7102639384") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Foster, D.M.#35493965200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Garriga, A.C.#35069453600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Gartner, S.S.#7006656565") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Gelpi, C.F.#7003945061") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Grauer, R.#55094973400") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Grieco, J.M.#9640121100") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Hafner-Burton, E.M.#8698423600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Hainmueller, J.#13204316000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Haynes, K.#55372433300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Hiscox, M.J.#6506688421") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Horowitz, M.C.#26662701200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Mitchell, N.J.#7102467109") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Newman, A.L.#7201587288") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Palmer, G.#7202018626") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Park, J.#15058220400") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Peterson, T.M.#36667039200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Piazza, J.A.#8218844000") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Pierskalla, J.H.#35303507600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Posner, E.#35303318200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Ramsay, K.W.#14034688600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Reiter, D.#7004342527") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Ritter, E.H.#55068106700") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Russett, B.#7003920974") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Schneider, G.#55057826200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Schubiger, L.I.#56725827200") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Sharvit, K.#13105510600") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Shelef, N.G.#20735768700") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Smith, A.#7406751794") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Snyder, J.L.#7401499150") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Sobek, D.#10639174300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Stinnett, D.M.#16310905800") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Tago, A.#55917294300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Thies, C.G.#7004477817") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Tingley, D.H.#12446550300") OR LIMIT-TO (PREFNAMEAUID, "Beardsley, K.C.#6602155179")

Поисковый запрос для Web of Science

IS=(0162-2889) AND TS = (foresee* OR expect* OR predict* OR foresight* OR forecast* OR (likely NOT (were \$\$\$ likely OR was \$\$\$ likely OR been likely)) OR likelihood OR probabilit* OR (possibilit* NOT (new possibilit*)) OR chance* OR expect* OR prognosis OR scenario* OR (will NOT ("will to" OR "will for" OR "will be shown" OR "will be demonstrated")) OR "won't" OR (future NOT ((future research) OR (future application*) OR (future stud*) OR (future of the field*) OR (future of the discipline*) OR (future of the theor*)))) AND PY = (2006 OR 2007 OR 2008 OR 2009 OR 2010 OR 2011 OR 2012 OR 2013 OR 2014 OR 2015) AND AU = ((TOFT MD OR BROOKS SG OR CAVERLEY JD OR DOWNES AB OR GLASER CL OR IKENBERRY GJ OR JOHNSON DDP OR KASTNER SL OR LAKE DA OR LIND J OR MONTEIRO NP OR ROSATO S OR SAROTTE ME OR SHAPIRO JN OR WOHLFORTH WC))

DOCUMENTYPES: (Article). Indexes=SCI-EXPANDED, SSCI, A&HCI, CPCI-S, CPCI-SSH, BKCI-S, BKCI-SSH, ESCI. Timespan=All years

Приложение 2. Распределение статей проанализированного массива по журналам

Журнал	Количество статей
Journal of Conflict Resolution	40
Journal of Peace Research	39
International Studies Quarterly	35
International Security	27
International Organization	19
Security Studies	6
European Journal of International Relations	4
World Politics	2
ВСЕГО СТАТЕЙ	172

Приложение 3. Принципы отнесения статей к одной из парадигм (на основе кодбука TRIP [21, с. 6-9]).

Реалистские	<i>Реалистские</i> статьи зачастую отталкиваются от следующих предположений: (1) государства являются доминирующими акторами в международных отношениях; (2) государства являются унитарными, рациональными акторами; (3) государства преследуют собственные интересы, которые определяются в терминах силы; (4) международная система является анархичной. Для отнесения статьи к реалистской парадигме ключевыми объясняющими переменными в ней должны выступать сила и анархия. В число других объясняющих переменных реалистского анализа входят гегемония, полярность, баланс между наступлением и обороной. относительная и абсолютная мощь.
Либеральные	Статья кодируется как <i>либеральная</i> , если она согласуется со следующими предположениями: 1) основными акторами международных отношений выступают индивиды и частные группы, которые организуются и обмениваются информацией для продвижения собственных интересов; 2) государство выступает представителем некоторого подмножества социальных акторов (внутренних, а иногда

Либеральные	и международных) при посредовании внутривполитических институтов, которые передают запросы должностным лицам, уполномоченным действовать от имени государства; (3) характер международной системы (в том числе поведение государства и модели конфликтов и сотрудничества) определяется конфигурацией государственных предпочтений, а не распределением сил или доминирующей системой экономического производства; (4) в результате изменения моделей своих предпочтений государства могут разрабатывать общие нормы и институты, которые берут на себя выполнение некоторых функций, характерных для внутривполитических институтов. Либералы часто подчеркивают важность следующих объясняющих переменных (по крайней мере одна из них должна присутствовать в статье, чтобы ее можно было отнести к <i>либеральным</i>): внутривполитические институты, предпочтения социальных акторов и транснациональных акторов, относительная конкурентоспособность экономических производителей на международном рынке, экономическая взаимозависимость, международное право, режимы, международные институты, идеи и убеждения.
Конструктивистские	Статья кодируется как <i>конструктивистская</i> , если ее авторы предполагают, что идентичность акторов и реальность институтов являются результатом социального конструирования. Конструктивисты используют множество независимых переменных, характерных для либерализма, таких как режимы, нормы, идентичности и институты, а иногда и другие независимые переменные, характерные для реализма или марксизма. В дополнение к каузальным переменным, которые они разделяют с другими парадигмами, конструктивисты часто рассматривают в качестве объясняющих переменных организационную культуру, дискурсивные процессы и принципиальные убеждения.
Марксистские	Статья кодируется как <i>марксистская</i> , если в ее основе лежат следующие предположения: (1) экономические акторы являются доминирующей единицей анализа в международной политике; (2) международная система является иерархической; (3) механизмы доминирования консервируют низкий уровень развития. В своем анализе марксистские подходы, как правило, используют в качестве ключевых каузальных переменных классовую структуру, мировую капиталистическую систему и роль элит в этой системе. Некоторые марксистские подходы ссылаются на роль «культурной гегемонии», но при этом, согласно таким концепциям, идеи отражают интересы доминирующего экономического класса в обществе.
Внепарадигмальные	Категория <i>внепарадигмальных</i> исследований охватывает статьи, в которых выдвигается и проверяется когерентная теория, но при этом они не укладываются однозначно в рамки одной из четырех основных парадигм (реализм, либерализм, марксизм, конструктивизм).
Атеоретические	Те статьи, которые вообще не имеют какой-либо теоретической основы, кодируются как <i>атеоретические</i> . Как правило, атеоретические статьи носят исключительно описательный характер или посвящены проверке гипотезы, полученных индуктивно и не связанных с какой-либо теорией или парадигмой.

Приложение 4. Результаты анализа статей

Таблица 1. Число прогностических статей по признаку используемой парадигмы

Table 1. Number of Prognostic Articles by Paradigm

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
Конструктивизм	0	20	20
Либерализм	1	40	41
Марксизм	0	0	0
Реализм	8	17	25
Внепарадигмальные	6	66	72
Атеоретические	0	2	2
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 2. Число прогностических статей по признаку используемой эпистемологической установки**Table 2. Number of Prognostic Articles by Epistemology Employed**

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
Позитивизм	9	139	148
Интерпретивизм	6	6	12
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 3. Число прогностических статей по признаку используемых методов**Table 3. Number of Prognostic Articles by Methodology Employed**

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
Качественные	6	28	34
Количественные	8	125	133
Формальное моделирование	7	102	109
Контрфактические	3	1	4
Неформальные аналитические	5	21	26
Дескриптивные	2	1	9
Экспериментальные	1	9	10
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 4. Число прогностических статей по признаку временного охвата эмпирической базы**Table 4. Number of Prognostic Articles by Time Period Under Study**

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
До 476 г. н.э.	0	1	1
476 по октябрь 1648 г.	0	1	1
с октября 1648 г. по 28 июня 1914 г.	1	19	20
с 28 июня 1914 г. по 28 июня 1919 г.	1	20	21
28 июня 1919 года по 1 сентября 1939 года	1	20	21
1 сентября 1939 г. по август 1945 г.	1	25	26
с сентября 1945 г. по 9 ноября 1989 г.	8	90	98
с 9 ноября 1989 г. по 10 сентября 2001 г.	10	108	118
с 11 сентября 2001 г. по настоящий момент	13	71	84
Нет / Неприменимо	0	12	12
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 5. Число прогностических статей по признаку географического охвата эмпирической базы

Table 5. Number of Prognostic Articles by Region Under Study

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
США	8	28	36
Канада	0	3	3
Западная Европа	3	16	19
Латинская Америка	1	6	7
Африка южнее Сахары	0	7	8
Россия (и СССР)	3	5	8
Бывший СССР (исключая Россию)	1	3	4
Восточная и Центральная Европа	3	9	12
Ближний Восток / Северная Африка	3	28	31
Китай	5	10	15
Восточная Азия (исключая Китай)	5	7	12
Южная Азия (включая Афганистан)	2	4	6
Юго-Восточная Азия	0	6	6
Океания	0	5	5
Арктика	0	0	0
Антарктика	0	0	0
Глобальный охват	4	88	92
Отсутствует / чистая теория	0	8	8
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 6. Число прогностических статей по признаку наличия политических рекомендаций

Table 6. Number of Prognostic Articles in Which Policy Recommendations Are Offered

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
Рекомендации есть	9	35	44
Рекомендаций нет	6	110	116
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 7. Число прогностических статей по признаку срока прогноза

Table 7. Number of Prognostic Articles by Prognostic Timespan

	Сильные прогнозы	Слабые прогнозы	Общее количество
до 2013 год	0	1	1
с 2014 по 2019 год	1	1	2
с 2020 по 2029 год	0	0	0
с 2030 по 2049 год	0	0	0
с 2050 по 2069 год	0	0	0
с 2070 по 2100 год	0	0	0
XXII век	0	0	0
XXIII век и позже	0	0	0
Неопределенное будущее	14	144	158
ВСЕГО СТАТЕЙ	15	145	160

Таблица 8. Число прогностических статей по признаку наличия в них сильных или слабых прогнозов

Table 8. Number of Prognostic Articles by the Type of Prognosis (Strong or Weak)

	Количество
Сильные прогнозы	15
Слабые прогнозы	145
ВСЕГО СТАТЕЙ	160

Список литературы:

1. Алексеева Т. Дебаты о “Великих дебатах”: как структурировать теорию международных отношений? // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 9–21.
2. Алексеева Т., Лебедева М. Что происходит с теорией международных отношений // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 29–43.
3. Богатуров А. Десять лет парадигмы освоения // Pro et contra. 2000. Т. 5. № 1. С. 195–198.
4. Ильин М.В., Авдонин В.С., Фомин И.В. Методологический вызов. Где границы применимости методов? Каковы критерии их эффективности? // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. 2017. № 7. С. 5–24.
5. Коньшев В., Сергунин А. “Великие дебаты”: способ структурирования или периодизации теории международных отношений? // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 156–164.
6. Коньшев В.Н., Сергунин А.А. Теория международных отношений: канун новых “великих дебатов”? // Полис. Политические Исследования. 2013. № 2. С. 66–78.
7. Лебедева М.М. Российские исследования и образование в области международных отношений: 20 лет спустя. Москва: Спецкнига, 2013. 24 с.
8. Российская наука международных отношений: новые направления / под ред. А.П. Цыганков, П.А. Цыганков. Москва: ПЕР СЭ, 2005. 415 с.
9. Сафронова О.В., Коршунов Д.С. “Новые” или “старые” великие дебаты? // Полис. Политические Исследования. 2013. № 4. С. 182–187.
10. Цыганков П.А. Социологические термины и подходы в анализе международных отношений // Вестник Московского Университета. Серия 12: Политические Науки. 2016. № 4. С. 28–37.
11. Avdonin V., Fomin I., Ilyin M. Integrative Methodologies for Political Science: Studying Measures, Forms and Meanings // 25th World Congress of Political Science: July 21-25, 2018: Brisbane, Australia: IPSA [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://wc2018.ipasa.org/index.php/events/congress/wc2018/paper/integrative-methodologies-political-science-studying-measures-forms> (дата обращения: 08.11.2018).
12. Bennett B.W., Lind J. The Collapse of North Korea: Military Missions and Requirements // International Security. 2011. № 2. Pp. 84–119.
13. Bernstein S. [et al.]. God Gave Physics the Easy Problems: Adapting Social Science to an Unpredictable World // European Journal of International Relations. 2000. № 1. Pp. 43–76.
14. Byman D., Lind J. Pyongyang's Survival Strategy: Tools of Authoritarian Control in North Korea // International Security. 2010. № 1. Pp. 44–74.
15. Elman C., Elman M.F. Progress in International Relations Theory: Appraising the Field / C. Elman, M.F. Elman, MIT Press, 2003.
16. Escribà-Folch A., Wright J. Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers // International Studies Quarterly. 2010. № 2. Pp. 335–359.
17. Kristensen P.M. International Relations at the End: A Sociological Autopsy // International Studies Quarterly. 2018.
18. Mahoney J., Goertz G. A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research // Political Analysis. 2006. № 03. Pp. 227–249.
19. Maliniak D. [et al.]. International Relations in the US Academy: International Relations in the US Academy // International Studies Quarterly. 2011. № 2. Pp. 437–464.
20. Maliniak D. [et al.]. Is International Relations a Global Discipline? Hegemony, Insularity, and Diversity in the Field // Security Studies. 2018.

- № 3. Pp. 448–484.
21. Maliniak D., Peterson S., Tierney M. TRIP Journal Article Database Codebook: [Version 2.0. Revised: 5/18/16] [Электронный ресурс]. 2016. Режим доступа: https://trip.wm.edu/home/phocadownload/trip_journal%20article%20database_codebook2%201.pdf (дата обращения: 08.11.2018).
 22. Martin L.L. The Contributions of Rational Choice: A Defense of Pluralism // *International Security*. 1999. № 2. Pp. 74–83.
 23. Mearsheimer J.J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations // *European Journal of International Relations*. 2013. № 3. Pp. 427–457.
 24. Pape R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work // *International Security*. 1997. № 2 (22). Pp. 90–136.
 25. Reus-Smit C. Beyond Metatheory? // *European Journal of International Relations*. 2013. № 3. Pp. 589–608.
 26. Snyder J. One world, rival theories // *Foreign policy*. 2004. № 145. Pp. 52–62.
 27. Teaching, Research, and International Policy Project. TRIP Journal Article Database Release (Version 3.1) [Электронный ресурс]. 2017. Режим доступа: <https://trip.wm.edu/> (дата обращения: 08.11.2018).
 28. Vasquez J.A. The power of power politics: from classical realism to neotraditionalism / J.A. Vasquez. New York: Cambridge University Press, 1998. 448 p.
 29. Walker T.C., Morton J.S. Re-Assessing the «Power of Power Politics» Thesis: Is Realism Still Dominant? // *International Studies Review*. 2005. № 2. Pp. 341–356.
 30. Walt S.M. Rigor or Rigor Mortis? Rational Choice and Security Studies // *International Security*. 1999. № 4. Pp. 5–48.
 31. Windelband W. Geschichte und Naturwissenschaft: Rede zum Antritt des Rectorats der Kaiser-Wilhelms-Universität Strassburg, geh. am 1. Mai 1894 / W. Windelband, Strassburg: Heitz, 1894. 27 S.

Об авторах:

Иван Владленович Фомин – к.п.н., научный сотрудник Лаборатории анализа международных процессов Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; доцент Департамента политической науки Факультета социальных наук НИУ ВШЭ, 101000, Россия, Москва, улица Мясницкая, д. 20; научный сотрудник Центра перспективных методологий социально-гуманитарных исследований Института научной информации по общественным наукам РАН, 117997, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 51/21. E-mail: fomin.i@gmail.com.

Константин Павлович Кокарев – старший преподаватель Liberal Arts College ИОН РАНХиГС, ведущий специалист Научной библиотеки РАНХиГС. 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1. E-mail: kokarev-kp@ranepa.ru.

Борис Игоревич Ананьев – преподаватель кафедры политической теории Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: ananyevboris92@gmail.com.

Николай Юрьевич Силаев – к.и.н., старший научный сотрудник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Андрей Андреевич Сушенцов – к.п.н., директор Лаборатории анализа международных процессов и Института международных исследований Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru.

Александр Дмитриевич Чеков – аналитик Лаборатории анализа международных процессов, преподаватель кафедры международных отношений и внешней политики Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: a.d.chekov@gmail.com.

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (номер договора о выделении гранта 14.461.31.0002).

FORECASTING PRACTICES IN ACADEMIC IR: METHODOLOGICAL MAINSTREAM AND UNSOLVED PROBLEMS

I.V. Fomin, K.P. Kokarev, B.I. Ananyev, N.Yu. Silaev, A.A. Sushentsov, A.D. Chekov
DOI 10.24833/2071-8160-2018-6-63-159-193

MGIMO University,
INION RAN,
National Research University Higher School of Economics,
RANEPA

Abstract: The article is devoted to the analysis of research tools that are dominant in international relations forecasting. The study is based on quantitative description of 160 prognostic articles from leading journals on international relations for the period from 2006 to 2015. An innovative typology of prognostic studies is proposed and tested. The typology introduces a distinction between «weak prognoses» (probabilistic predictive statements that appear as extrapolations of deductive nomothetical theories) and «strong prognoses» («ideographic» predictions that are formulated as scenarios of possible future developments in specific situations and with specific sets of actors). The study shows that it is the weak prognoses that are the dominant type of forecasts in contemporary international studies. The dominance of the weak approach to forecasting remains total, despite the fact that it is almost two decades ago that its fundamental limitations were demonstrated and a “forward reasoning” approach suggested as an alternative. The methodology of Teaching, Research, and International Policy project was applied for a more detailed epistemological profiling of the field. It showed that academic forecasting in international relations is dominated by quantitative methods and positivist non-paradigmatic approaches. As to the traditional paradigms, it is liberalism that is the most common with Marxism being completely neglected. The described profile of the field follows the trends that are inherent in the discipline of international relations in general. The findings of the study can be interpreted from the perspective of possible tracks for the development of forecasting methods in the Russian school of international relations.

Key words: forecasting, methodology, methods, approaches, paradigms, theory of international relations, TRIP, strong and weak prognosis

References

1. Alekseeva T. Debaty o “Velikikh debatakh”: kak strukturirovat’ teoriĭ mezhdunarodnykh otnoshenĭ? [The debates about “great debates”: how to structure the theory of international relations?]. *Polis. Political Studies*. 2016, no. 6, pp. 9–21. (In Russian)
2. Alekseeva T., Lebedeva M. Chto proiskhodit s teorieĭ mezhdunarodnykh otnoshenĭ [What Is Happening to the Theory of International Relations]. *Polis. Politicheskie issledovaniĭa*. 2016, no. 1, pp. 29–43.
3. Bogaturov A. Desiāt’ let paradigmy

- osvoeniĭa [Ten Years of Capturing Paradigm]. *Pro et contra*. 2000, vol. 5, no. 1, pp. 195–198. (In Russian)
4. Il'in M.V., Avdonin V.S., Fomin I.V. Metodologicheskii vyzov. Gde granitsy primenimosti metodov? Kakovy kriterii ikh ėffektivnosti? [Methodological challenge. What are restraints for method application? What are the criteria of its success?] *METHOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*. 2017, no. 7, pp. 5–24. (In Russian)
 5. Konyshchev V., Sergunin A. "Velikie debaty": sposob strukturirovaniĭa ili periodizatsii teorii mezhdunarodnykh otnosheniĭ? ["The Great Debates": The Means of Structuring or Periodization of International Relations Theory?]. *Polis. Political Studies*. 2017, no. 4, pp. 156–164. (In Russian)
 6. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. Teoriĭa Mezhdunarodnykh Otnosheniĭ: Kanun Novykh "Velikikh Debatov"? [International relations theory: on the threshold of new «Great Debates»?]. *Polis. Political Studies*. 2013, no. 2, pp. 66–78. (In Russian)
 7. Lebedeva M.M. *Rossiiskie issledovaniĭa i obrazovanie v oblasti mezhdunarodnykh otnosheniĭ: 20 let spustiĭa* [Russian Research and Education in the field of International Relations: 20 Years Later]. Moscow: Spetskniga, 2013. 24 p. (In Russian)
 8. TSyngankov A.P., TSyngankov P.A. (eds.) *Rossiiskaĭa nauka mezhdunarodnykh otnosheniĭ: novye napravleniĭa* [Russian Science of International Relations: New Currents]. Moscow: PER SĖ, 2005. 415 p. (In Russian)
 9. Safronova O.V., Korshunov D.S. "Novye" ili "Starye" Velikie Debaty? ["New" or "Old" great debates?]. *Polis. Political Studies*. 2013, no. 4, pp. 182–187. (In Russian)
 10. TSyngankov P.A. Sotsiologicheskie terminy i podkhody v analize mezhdunarodnykh otnosheniĭ [Sociological Concepts and Approaches in Analysis of International Relations]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriiĭa 12: Politicheskie Nauki*. 2016, no. 4, pp. 28–37. (In Russian)
 11. Avdonin V., Fomin I., Ilyin M. *Integrative Methodologies for Political Science: Studying Measures, Forms and Meanings*. 25th World Congress of Political Science: July 21-25, 2018: Brisbane, Australia: IPSA. Available at: <http://wc2018.ipso.org/index.php/events/congress/wc2018/paper/integrative-methodologies-political-science-studying-measures-forms> (accessed: 08.11.2018).
 12. Bennett B.W., Lind J. The Collapse of North Korea: Military Missions and Requirements. *International Security*. 2011, vol. 36, no. 2, pp. 84–119.
 13. Bernstein S. God Gave Physics the Easy Problems: Adapting Social Science to an Unpredictable World. *European Journal of International Relations*. 2000, vol. 6, no. 1, pp. 43–76.
 14. Byman D., Lind J. Pyongyang's Survival Strategy: Tools of Authoritarian Control in North Korea. *International Security*. 2010, vol. 35, no. 1, pp. 44–74.
 15. Elman C., Elman M.F. Progress in International Relations Theory: Appraising the Field. MIT Press, 2003.
 16. Escribà-Folch A., Wright J. Dealing with Tyranny: International Sanctions and the Survival of Authoritarian Rulers. *International Studies Quarterly*. 2010, vol. 54, no. 2, pp. 335–359.
 17. Kristensen P.M. International Relations at the End: A Sociological Autopsy. *International Studies Quarterly*. 2018, 62(2), pp. 245–259. DOI: 10.1093/isq/sqy002
 18. Mahoney J., Goertz G. A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research. *Political Analysis*. 2006, vol. 14, no. 3, pp. 227–249.
 19. Maliniak D. International Relations in the US Academy: International Relations in the US Academy. *International Studies Quarterly*. 2011, vol. 55, no. 2, pp. 437–464.
 20. Maliniak D. Is International Relations a Global Discipline? Hegemony, Insularity, and Diversity in the Field. *Security Studies*. 2018, vol. 27, no. 3, pp. 448–484.
 21. Maliniak D., Peterson S., Tierney M. *TRIP Journal Article Database Codebook*: [Version 2.0. Revised: 5/18/16]. 2016. Available at: <https://trip.wm.edu/>

- home/phocadownload/trip_journal%20article%20database_codebook2%201.pdf (accessed: 08.11.2018).
22. Martin L.L. The Contributions of Rational Choice: A Defense of Pluralism. *International Security*. 1999, vol. 24, no. 2, pp. 74–83.
 23. Mearsheimer J.J., Walt S.M. Leaving theory behind: Why simplistic hypothesis testing is bad for International Relations. *European Journal of International Relations*. 2013, vol. 19, no. 3, pp. 427–457.
 24. Pape R.A. Why Economic Sanctions Do Not Work. *International Security*. 1997, vol. 22, no. 2, pp. 90–136.
 25. Reus-Smit C. Beyond Metatheory? *European Journal of International Relations*. 2011, vol. 17, no. 3, pp. 589–608.
 26. Snyder J. One world, rival theories. *Foreign policy*. 2004, no. 145, pp. 52–62.
 27. Teaching, Research, and International Policy Project. *TRIP Journal Article Database Release (Version 3.1)*. 2017. Available at: Available at <https://trip.wm.edu/> (accessed: 08.11.2018).
 28. Vasquez J.A. *The power of power politics: from classical realism to neotraditionalism*. New York: Cambridge University Press, 1998. 448 p.
 29. Walker T.C., Morton J.S. Re-Assessing the «Power of Power Politics» Thesis: Is Realism Still Dominant? *International Studies Review*. 2005, vol. 7, no. 2, pp. 341–356.
 30. Walt S.M. Rigor or Rigor Mortis? Rational Choice and Security Studies. *International Security*. 1999, vol. 23, no. 4, pp. 5–48.
 31. Windelband W. *Geschichte und Naturwissenschaft: Rede zum Antritt des Rektorats der Kaiser-Wilhelms-Universität Strassburg, geh. am 1. Mai 1894*. Strassburg: Heitz, 1894. 27 S. (In German)

About the authors:

Ivan V. Fomin – Ph.D. (Political Science), Research Associate of the Laboratory for International Trends Analysis at MGIMO University (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia), Associate Professor at the National Research University Higher School of Economics, Faculty of Social Sciences, School of Political Science (Ulitsa Myasnitskaya, d. 20, 101000, Moscow, Russia), Research Associate at INION RAN, Center for Advanced Methods of Social Studies and Humanities (Nakhimovskiy Prospekt, d. 51/21, 117997, Moscow, Russia). E-mail: fomin.i@gmail.com.

Konstantin P. Kokarev – Senior Lecturer at Liberal Arts College ISS, RANEPa, lead specialist at RANEPa Academic Library (Prospekt Vernadskogo, d. 82, str. 1, 119571 Moscow, Russia). E-mail: kokarev-kp@ranepa.ru.

Boris I. Ananyev – Lecturer at MGIMO University, Department of Political Theory (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia). E-mail: ananyevboris92@gmail.com.

Nikolay Yu. Silaev – Ph.D. (History), Senior Researcher at MGIMO University, the Institute of International Studies (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia). E-mail: nikolai.silaev@gmail.com.

Andrey A. Sushentsov – Ph.D. (Political Science), Director of the Laboratory for International Trends Analysis at MGIMO University (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia). E-mail: asushentsov@foreignpolicy.ru.

Alexandr D. Chekov – Analyst of the Laboratory for International Trends Analysis at MGIMO University (Prospekt Vernadskogo, d. 76, 119454, Moscow, Russia). E-mail: a.d.chekov@gmail.com.

This research is funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant agreement number 14.461.31.0002).